

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ГЛОБАЛИСТИКА

Круглова Г.А.

Осмысление глобальных проблем современности протестантскими церквами началось значительно позднее других христианских конфессий, что позволило им в своих разработках опираться на предшественников, а также и на теоретические установки западной общественной мысли. Анализируя деятельность протестантских течений по решению проблем войны и мира, особо следует остановиться на их участии в экуменическом движении, в которое входили, прежде всего, протестантские церкви.

После вступления в 60-е гг. XX в. в ВСЦ религиозных организаций из социалистических стран, а чуть позднее (70-е гг. прошлого века) и целого ряда христианских объединений из развивающихся стран, соотношение сил в рамках этой организации резко изменилось. Позиции сторонников активного миротворчества существенно укрепились. К тому же на руководство экуменическим движением серьезно подействовало и укрепление позиций антивоенного движения в мире. Опасаясь потерять опору в массах, экуменические лидеры к 60-м гг. XX в. окончательно определились в пользу защиты мира и критики гонки вооружений.

Осознавая неизбежность разработки собственного понимания проблемы сохранения мира, деятели экуменизма активно обсуждают эти вопросы на международных конференциях, встречах и консультациях. Руководитель программы ВСЦ "Церковь и общество" П. Абрехт заявил, что "церковь должна считаться с быстрыми социальными изменениями, так как Евангелие существует для всего мира, изменяемого человеческой деятельностью" [1, 49]. Сохраняя общие установки на миротворчество, руководители ВСЦ в 70-е гг. даже признают, что "мир в наше время становится физической необходимостью". Но сохранение этого мира возможно только через "глобальную евангелизацию мира, на христианском фундаменте". В свете этих общих установок на специальной сессии ВСЦ по разоружению в 1978 г. утверждалось, что необходимо разработать "богословие мира", носящее "эсхатологический" и "пророческий" характер.

Большинство деятелей экуменического движения в этот период критикует такие расхожие ранее стереотипы, как "ограниченная ядерная война", "равновесие страха", "война во имя интересов нации". В соответствии с этими установками в рамках экуменизма начала разрабатываться "теология мира" (или "богословие мира"), которая позднее получила название "мирология". Показателем активной миротворческой деятельности ВСЦ можно считать и огромное количество религиозных экуменических конференций, которые имели достаточно широкое представительство. На этих

международных форумах была выработана вполне позитивная программа борьбы за мир и разоружение, которая включала в себя решение целого ряда конкретных вопросов. Среди основных *целей* экуменической миротворческой программы следует выделить: отказ от политики конфронтации и гонки вооружений; ориентация на честное, конструктивное сотрудничество; стремление к сокращению вооружений; неприятие концепции "звездных войн"; развитие двухсторонних отношений; создание безъядерных зон и т. д.

На фоне этих общих призывов звучат и весьма специфические задачи в этой области: ввести мораторий на всякую враждебную риторику; воспитывать народы в духе мира; не допускать карикатур стран и народов друг на друга; развивать язык доверия и разрядки и т. д. При этом рационально мыслящие деятели экуменизма понимают, что современный мир стоит перед решением сложных проблем. И они даже готовы временно забыть внутренние теологические разногласия для решения "настоятельных задач сохранения мира на Земле". Поэтому в документах экуменических конференций подчеркивалось, что для укрепления миротворчества "единство мнений вполне достижимо при всех особенностях мышления и суждения... в отношении мира". Теологи предостерегали человечество, что "оно должно объединиться, чтобы после Хиросимы не случилось Евросимы", и ни в коем случае "не допустить Террасимы – глобального ядерного всеожжения" [2, 52].

Однако, не следует забывать о том, что, как и любая теологическая концепция, она отражает мир в богословском понимании. Даже сама возможность мира выводится не из закономерностей общественного развития, а обосновывается многочисленными ссылками на Библию и основные христианские догматы. Ограничивая сферу миротворчества сферой "сотрудничества" с Богом, теоретики экуменизма в русле религиозных традиций снижают и эффективность своей миротворческой деятельности. Абстрактные призывы к миру, обобщенные порицания виновников гонки вооружений – это основная особенность экуменической программы мира.

Оценивая деятельность протестантских церквей по решению проблем войны и мира, следует отметить, что главной особенностью является внутренняя противоречивость. С середины 80-х гг. XX ст. в рамках протестантизма на ведущее место выдвинулась концепция "справедливого мира". Основа этого поворота была определена нарастанием угрозы ядерной войны, выходом ее в космическое пространство, а также усилением и расширением антивоенного движения. Происходит процесс обогащения христианских ценностей идеями гуманизма и на этой основе активизация деятельности в борьбе за мир, разоружение и разрядку. В самом общем плане эта концепция выразилась в следующем:

отказ от понимания войны, как "неизбежного зла", "Бог не хочет войны" и мы должны бороться против нее; сохраняя приоритет религии в деле укрепления мира, теологи подчеркивают необходимость сотрудничества и с нерелигиозными политическими движениями в борьбе за мир; происходит отказ от идеологии "крестового похода против коммунизма", а ориентация на ценности "гуманизма" и "разума" для сохранения "священного дара жизни"; само содержание проблем войны и мира трактуется расширительно, во взаимосвязи с целым рядом конкретных социальных проблем, таких, как "качество жизни", бедности, равноправия государств, а также и в связи с другими глобальными проблемами: экологическими, отсталости стран "третьего мира" и т. д. В этот период подвергается переоценке и переосмыслению само понятие пацифизма. Это уже "ядерный пацифизм", который предполагает не просто пассивное неприятие войны, а активное сопротивление использованию ее для решения международных конфликтов.

Для решения проблем войны и мира в 90-е годы XX в. протестантизм вырабатывает новую "концепцию культуры мира". Собственно и разработкой концепции культуры мира занимаются самые различные институты, организации и движения. Отрицать роль религии в формировании культуры мира сегодня бессмысленно. Религия вносит свой вклад в развитие этой программы. Но не следует забывать, что все конкретные задачи разрабатываются в русле религиозного пацифизма. Это, прежде всего, "мир с Богом", как основа "мира с ближними", ориентация на "воспитание у человека нового восприятия мира" и т.д. По-прежнему нигде не указываются и не рассматриваются истинные социально-политические причины войн. Соответственно и борьба за мир направлена не на искоренение их реальных причин, а на "формирование нового взгляда на мир", как "примирение" не только на земле, но прежде всего "с Небом". [3, 304–307]

Существуя в рамках традиционных западных демократических политических систем, протестантские церкви довольно ярко проявили зависимость своих теоретических построений от изменений в мировой политике, гибкость своих оценок и быструю приспособляемость к новым социальным условиям. Позиции протестантских теологов близки официальным социально-политическим лозунгам и установкам западных государств.

Протестантские экологические концепции, в отличие от других течений христианства, характеризуются значительным разнообразием и большей "научнообразностью". Поэтому теоретики протестантизма, стремясь найти наиболее подходящее обоснование для своих разработок, вынуждены нередко прибегать к использованию теоретических расчетов и выводов ученых-экологов. Следует обратить

внимание и на тот факт, что многие протестантские религиозные организации в ряде западных стран оказывают активную поддержку движению в защиту окружающей среды.

Не ограничиваясь объяснением причин экологического кризиса только греховностью человека, протестантские теологи пытаются доказать, что "экологическое равновесие" было нарушено вследствие изменения религиозных установок по отношению к природе. Называя экологическую проблему "новой формой Армагеддона, битвой за спасение жизни людей", Т. Дерр сводит экологическую проблему прежде всего к религиозно-этической проблематике, подчеркивая, что "центром дискуссии в решении экологических проблем является христианская теология и этика". Основная причина экологического кризиса, согласно концепции Т. Дерра, коренится в "гневно-высокомерии" человека, который в условиях научно-технического господства над природой склонен все чаще забывать о боге, утрачивать религиозное мироощущение. С утратой этического контроля над природой и наукой сами по себе наука и техника становятся "средством в руках дьявола", что ведет к разрушению природы. Человеческое общество с утратой религиозного миропонимания, по словам Т. Дерра, не в состоянии предотвратить отрицательные воздействия научно-технической революции на окружающую среду. [4, 26–35]

Многие теоретики протестантизма считают, что достаточно лишь изменения некоторых христианских принципов и норм для преодоления противоречий в системе "общество–природа". Так, видный протестантский теолог Дж. Макквэри, отмечая огромную роль религии в жизни общества, считает, что священнослужители должны "вносить свой посильный вклад в развитие христианства, посредством пересмотра его традиций". Ведущую роль в установлении гармонии между обществом и природой Дж. Макквэри отводит "глубинным изменениям" в ценностной системе общества, главным образом, изменениям "в сфере христианской религии". В условиях обострения экологических проблем, по его мнению, главное значение имеет переход от "монархической модели" мира к "органической модели. Согласно "органической модели" мира природа не противостоит богу, а развивается в "органическом единстве" с волей бога. Такое "органическое единство", с точки зрения Дж. Макквэри, исключает возможность эксплуатации природы вообще, и прежде всего человеком. [5, 35-38]

Идею пересмотра, своего рода "исправления" религии для решения проблем окружающей среды, поддерживают Дон. Э. Мариетта, Д. Феркисс, Дж. Пасмор и др. Так, например, Дон. Э. Мариетта считает, что выход из экологического кризиса состоит в создании "нового религиозного гуманизма" [6, 159–164], который должен провозгласить единство человека с миром, со всей природой.

Создание теории "нового аскетизма" занимает особое место среди предлагаемых протестантскими мыслителями экологических концепций. В теории "нового аскетизма" Ф. Элдер, Дж. Б. Кобб считают, что основной причиной экологического кризиса послужило стремление человека к неограниченному экономическому росту, к увеличению богатств.

Ф. Элдер считает, что именно "новый аскетизм", элементами которого являются "ограничение", "почитание всего живого", способен привести к замене "эксплуатации природы ее гармонией", а для этого "мы должны быть более умеренными в потреблении природных ресурсов, ограничить рост народонаселения и развивать чувство благоговения перед всем живым [7, 325]. Он считает, что для достижения этого необходимо провести изменения в религиозном вероучении. Под этими нововведениями Ф. Элдер понимает прежде всего создание "энвайроменталистской теологии" и сопутствующей "энвайроменталистской этики". Подобные взгляды поддерживает и Джон. Б. Кобб. Разделяя основные положения Ф. Элдера, он считает, что "теологи должны участвовать в разработке нового образа жизни", – основой которого опять же будут нравственно-религиозные изменения.

Доказывая необходимость религиозно-нравственного осмысления экологических проблем, Ч. Бирч пытается путем создания "экологической модели единства природы, человека и бога" преодолеть антропоцентристский характер христианской нравственности. Он считает, что именно "благодаря божественному милосердию", люди через страдание преодолевают экологический и другие кризисы.

Протестантские разработки экологических проблем предлагают общественности наиболее расширительную трактовку проблем экологии в сравнении с другими христианскими конфессиями. Однако, провозглашая религиозную веру решающим фактором преодоления экологического кризиса, возрождая идеи "христианского аскетизма", протестантские теологи пытаются доказать, что это единственный путь разрешения возникших экологических проблем [8, 366–415].

Несомненно, заслугой ВСЦ является проведение по инициативе этой организации множества международных конференций по охране окружающей среды. Заслуживает особого внимания приглашение на эти экологические форумы ученых-экологов, биологов, социологов. Теологи активно участвуют в научных дискуссиях, обсуждениях экологических бедствий, даже нередко в своих рассуждениях опираются на конкретные научные данные. Все это придает "научообразность" и привлекательность их разработкам.

Нарастающие энергетический и экологический кризисы, обострение продовольственной и демографической проблем, негативные последствия урбанизации – все это подрывало веру общества во всемогущество технического прогресса,

способствовало нарастанию пессимистических унастроений. Сказалось это и на отношении протестантизма к НТР. Большинство теологов, как правило, в оценке социальных аспектов научно-технической революции следуют в русле господствующих социологических и философских концепций. Но они не просто "заимствуют" модные теории, а придают им своеобразное религиозное звучание. В отличие от других христианских течений теоретики протестантизма стремятся к более конкретному, можно сказать даже практическому исследованию социальных аспектов НТР. Ориентация протестантизма на поиск собственных решений проблем научного и технического прогресса привела к необходимости широкого обсуждения этих проблем.

Сама по себе оценка роли техники, научно-технических достижений достаточно противоречива в рамках социального учения протестантизма. Активное исследование теоретиками протестантизма проблем НТР осуществлялось в самых различных направлениях. Деятели протестантизма в рамках ВСЦ провели десятки конференций, посвященных рассмотрению различных социальных аспектов НТР, а также приняли участие практически во всех международных форумах по проблемам будущего развития, качества жизни и т. д. И хотя к 90-м гг. XX в. интерес теологов к исследованию данной проблематики значительно снизился, тем не менее, социальные последствия научно-технической революции рассматриваются ими, но уже в контексте других глобальных проблем. Особенно характерно это для анализа проблем войны и мира, экологических проблем и т. д. На рубеже XX-XXI вв. все чаще рассмотрение этих проблем вплетаются в анализ проблем бедности, причин отсталости стран Азии и Африки, а также в контексте глобализации. Один перечень проведенных мероприятий займет несколько страниц. Поэтому целесообразно остановиться только на самых значительных мероприятиях и моментах их деятельности, а также и основных идеях.

Теоретики протестантизма достаточно четко и справедливо выделяют основные социальные последствия научно-технической революции. Среди них, прежде всего, называются: экологические, демографические проблемы; продовольственный, энергетический и сырьевой кризис; угроза ядерной войны; кризис в экономике и рост безработицы. Однако, поднимая эти проблемы, теологи нигде не упоминают их различное проявление в странах с различными политическими системами и разным уровнем социально-экономического развития. Все призывы, как правило, адресованы "человечеству вообще". Иерархи протестантизма подчеркивают все более очевидное противоречие между быстрым развитием науки и техники и отставанием в духовной и моральной сферах.

Среди наиболее острых духовных последствий НТР протестантские богословы называют: потерю смысла жизни, возрастание психических заболеваний, бедственное положение в области образования, массификацию культуры, утрату духовности (читай религиозности), манипулирование сознанием и др. Отмечая насущную необходимость решения этих проблем, теологи вынуждены признать, что невозможно достичь этого в рамках того "образа жизни", который получил "повсеместное распространение". Отсюда все вопросы соответственно переносятся в плоскость поиска нового "качества жизни" в понимании протестантизма.

Поиски нового "качества жизни" у теологов сосредоточиваются в рамках христианской морали. На фоне постановки этих вполне объективных проблем совершенно неожиданно, казалось бы, сделан вывод о том, что преодолеть все это можно только "путем укрепления христианской морали" и "религиозной надежды". При этом подчеркивалось, что "наша надежда направлена на царство Божье и на обетование его благой любви. Это не бегство в другой мир, но способ понимания божьего суда над многим, чему мы отвели ложное место в нашем техническом мире..." [9, б]. Этот вывод, исключая все рациональные действия по переустройству мира и преодолению негативных социальных последствий научно-технической революции, ставит их в зависимость от веры и уводит от истинного понимания этих бедствий, которые коренятся в экономических и социально-политических устоях общества.

Акцентируя внимание на негативных последствиях научно-технического прогресса, протестантские богословы в очередной раз пытаются показать бессилие человека перед всевышним. Как отмечал А. Тойнби, разум сам по себе ничего не значит в мире, т.к. он в состоянии только добиться "поверхностного господства над природой греховной ценой предательства души" [10, 593]. Соответственно причину всех бед человечества он видит "в глубочайшем разрыве между техническим прогрессом и духовно-нравственными ценностями человека", считая, что именно "изменение религиозно-нравственных установок привело к тяжким социальным проблемам".

Таким образом, чтобы решить эти сложные проблемы, считают теологи, человечество должно совершить еще одну "духовную революцию". Но эта "духовная революция, – по мнению Х. Вёллера, – не нуждается ни в политике, ни в науке". Цель этой революции – обращение общества к религии. Чтобы вновь найти смысл, дух, бога, человек должен погрузиться в собственные глубины, во внутренний мир, а осуществить это можно "лишь благодаря тихой, светлой, полной любви... духовной революции".

В отличие от науки теоретики протестантизма основное внимание в своих исследованиях сосредоточили на анализе взаимосвязи негативных последствий научно-

технической революции с духовным и моральным кризисом. К сожалению, эта установка резко ограничила сферу их исследований. И хотя определенные обнадеживающие выводы у теологов и проскальзывают, но они не получили должного развития и не послужили основой их дальнейших разработок. Тот же Дж. Мольтман признает, что наука и техника предоставили человеку огромные возможности в его господстве над природой. Но в то же время, по его словам, человек превратился в раба собственных изобретений и организаций. Но далее констатации этого факта теологи не идут. Все основные задачи сосредоточены именно в направлении "этической перестройки" сознания человека в религиозном ее понимании.

В рамках теории "самоподдерживающегося общества" в 80-е гг. XX в. сложилась так называемая концепция "соответствующей техники", которая предусматривала создание такой техники, которая "отвечает не только данным социальным условиям... но и соответствует развитию культуры..." [11, 11]. Этот широкий культурный контекст при детальном анализе на первый план выдвигает религиозно-нравственные критерии "соответствия". А саму науку теоретики протестантизма пытаются представить как сферу полностью зависимую от религии в плане преодоления негативных социальных последствий НТР.

Не вызывает сомнения, что развитие научно-технического прогресса требует соблюдения определенных нравственных принципов, норм и установок. Но это скорее ориентиры для использования его достижений на благо общества. А преодоление негативных социальных последствий НТР невозможно только на пути религиозно-нравственного совершенствования общества. В этом направлении требуются более действенные меры, и прежде всего социально-экономические и политические преобразования общества, что неизбежно будет включать и нравственное совершенствование человека.

Итогом стала разработка и принятие так называемого "Проекта будущего". Первоначально в основе обсуждаемой модели лежал "технологический подход" и ориентация на построение "самоподдерживающегося общества". Включение слаборазвитых стран в обсуждение этих проблем привело к разработке модели "развития с опорой на собственные силы". В итоге на Генеральной ассамблее ВСЦ в Найроби было принято компромиссное решение в форме "двойной стратегии". С целью улучшения "качества жизни" провозглашалось создание "жизнеспособного и справедливого общества" [12, 130–135].

Для достижения желаемого справедливого общества было рекомендовано развитым странам ориентироваться на модель "самоподдерживающегося общества", а

развивающимся странам – на развитие "с опорой на собственные силы". Принятие данного документа в очередной раз доказало невозможность выработать "единую христианскую социальную концепцию". Понимая, что остановить научно-технический прогресс уже невозможно, теологи пытаются хотя бы установить его границы, выход за которые "ведет к греху" и "где из-за произвольного вмешательства будущие поколения лишаются своего развития". Задача теологии в этих условиях состоит в том, чтобы "гуманизировать технико-индустриальный прогресс".

Придавая наукообразность и большую обоснованность своим рассуждениям, протестантские теологи по-прежнему пытаются отстаивать свое право на религиозный контроль над развертыванием научно-технического прогресса. Они признают, что "сегодняшнее понимание прогресса считает научно-технический разум единственной гарантией человечности и благосостояния". [13, 189, 181].

Анализируя рассмотренные подходы, можно сказать, что теоретики всех протестантских течений успешно приспосабливаются к изменяющимся условиям и пытаются предложить "новое" понимание социальных аспектов глобальных проблем современности. Но при детальном рассмотрении этих "усовершенствованных" теорий видно, что, даже используя разработки ученых, в своих выводах теологи не выходят за рамки традиционных идей христианства. Богословы по-прежнему главную роль отводят религии и считают, что без веры никакая научная система "не может быть гармоничной". Именно поэтому с христианской точки зрения "как никогда необходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными... ценностями".

Признавая, что общественное развитие сталкивается с глобальными противоречиями, протестантские богословы главный упор делают на анализе морального и духовного кризиса и все проблемы переносят в плоскость поиска нового "качества жизни". Провозглашенная в этом направлении цель звучит вполне правомерно – создание "стабильного общества социальной справедливости". Но достижение его сводится к "религиозной надежде", которая направлена на "царство Божье". Подобные рассуждения вновь направлены на то, чтобы принизить созидательную роль науки и техники и еще раз обратить внимание на "духовную деградацию человечества", доказать зависимость проблем "низшего" материального мира от "высшего" мира религиозных духовных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abrecht, H. The churches and rapid social change / H. Abrecht. – New-York, – 1961.
2. Журнал Московской патриархии. – 1986. – № 8.

3. Примирение: сб. материалов Коллоквиума в Крестовоздвиженском монастыре, Шеветонь, Бельгия. – М.: Изд-во Моск. патр-та, 1997. – 197 с.
4. Derr, T. Ecology and human liberation / T. Derr. – New-York, 1973.
5. Macquarrie, I. Creation and Environment / I. Macquarrie // Ecology
6. Marietta, D. E. Religions Models and Ecological decision manking.– Chicago, 1977. - Vol. 12, № 2.
7. Elder, F. The new ascetism / F. Elder // Environment and Society. – New-York, 1974.
8. Lyndauist, M. Economic Growth and the Quality of Life / M. Lyndauist. – Helsinki, 1975. – S. 97, 130-135
9. Okumenischer Rat der Kirchen. – West-Berlin. – Dokument Nr. 21.
10. Viavianos-Arvanitis, A. Biopolitick – dimensions of biology / A. Viavianos-Arvanitis. – Athens, 1985.
11. Church alert: The Sodepax newsletter. – Geneva, 1980. – № 26.
12. Lyndauist, M. Economic Growth and the Quality of Life / M. Lyndauist. – Helsinki, 1975. – S. 97, 130-135
13. Abrecht, H. The chureches and rapid social change / H. Abrecht. – New-York, – 1961.